

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

**Дом Бурбонов и конституционные революции
в Южной Европе***О. В. Анисимов*

Для цитирования: *Анисимов О. В.* Дом Бурбонов и конституционные революции в Южной Европе // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 190–209. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.111>

В статье исследуется трансфер идей и практики конституционализма из Испании в Королевство обеих Сицилий в 1812–1820 гг. Особенности революционных событий лета — осени 1820 гг. проанализированы с привлечением депеш русского посланника в Неаполе Густава Штакельберга. Непосредственными объектами наблюдения графа Штакельберга в Неаполе стали положение монархии Бурбонов и нового конституционного правительства, их отношения с обществом карбонариев, отношения внутри дипломатического корпуса, среди представителей великих держав. Анализируются тексты конституционных актов, которые составили основные вехи развития конституционализма в Южной Европе: Байоннский статут 1808 г., Кадисская конституция 1812 г., Сицилийская конституция 1812 г., французская Хартия 1814 г., «конституция Мюрата» 1815 г. Проведена попытка сравнительного анализа конституционных революций в Испании и Италии в 1820–1823 гг.: противоречия внутренней политики, борьба партии либералов и оппозиции, поддержка армии, парламентская деятельность, борьба с сепаратистскими движениями, осложнения во внешней политике и противо-

Олег Викторович Анисимов — канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; o.v.anisimov@spbu.ru

Oleg V. Anisimov — PhD (History), St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; o.v.anisimov@spbu.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10052 «От Кадисской конституции к Петербургскому восстанию: трансфер дискурсов, идей, эмоций в эпоху бiedermeier».

This research was supported by the grant no. 21-78-10052 “From the Cadiz Constitution to the Petersburg Uprising: Transfer of Discourses, Ideas, Emotions in the Biedermeier Era” of the Russian Science Foundation.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

стояние Священному союзу, роль королей Фердинанда VII Испанского и Фердинанда I Неаполитанского в развитии конституционной практики. Подобный подход соответствует современным тенденциям в области истории эпохи Реставрации, в рамках которых концепция «либерального интернационала» проверяется на дипломатических источниках. Г. Штакельберг не просто наблюдал за Неаполитанской революцией: он отмечал явные параллели с Испанской революцией и сообщал о любых попытках негласных контактов революционеров со всей Европы. Его идеалом была французская Хартия 1814 г., применение которой в неаполитанской политической ситуации он рассматривал как возможность избежать худших последствий интервенции Австрийской империи. В статье делается вывод, что заимствование неаполитанцами испанской конституции произошло на подготовленной почве и было логичным явлением в развитии конституционализма в странах, близких друг другу не только по духу, но и длительным нахождением в орбите французского революционного и наполеоновского деспотического влияния. Также было показано, что Штакельберг модернизирует паттерн эпохи о «всеевропейском заговоре» и создает его более умеренную версию, основываясь на наблюдениях за развитием конституционной революции в Неаполе.

Ключевые слова: Бурбоны, Испания, Королевство обеих Сицилий, карбонарии, история дипломатии, конституционная монархия, либерализм.

The House of Bourbon and Constitutional Revolutions in Southern Europe

O. V. Anisimov

For citation: Anisimov O. V. The House of Bourbon and Constitutional Revolutions in Southern Europe. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, pp. 190–209. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.111> (In Russian)

The article examines the transfer of ideas and practices of constitutionalism from Spain to the Kingdom of the Two Sicilies in 1812–1820. On the basis of dispatches of the Russian envoy in Naples Gustav Stackelberg, the author analyses the features of the revolutionary events of the summer — autumn of 1820. The immediate objects of Count Stackelberg's observation in Naples were the situation of the Bourbon monarchy and the new constitutional government; their relations with the Carbonari society; relations within the diplomatic corps and among representatives of the great powers. The article also examines texts of constitutional acts that formed the main milestones of the development of constitutionalism in Southern Europe: the Bayonne Statute of 1808, the Cadiz Constitution of 1812, the Sicilian Constitution of 1812, the French Charter of 1814, and the “constitution of Murat” of 1815. An attempt is made to compare the constitutional revolutions in Spain and Italy in 1820–1823: contradictions of domestic politics, the struggle of the Liberal Party and the opposition, support for the army, parliamentary activity, the fight against separatist movements, complications in foreign policy and opposition to the Holy Alliance, the role of Kings Ferdinand VII of Spain and Ferdinand I of Naples in the development of constitutional practice. This approach corresponds to modern trends in the history of the Restoration era, in which the concept of the “liberal international” is tested against Russian diplomatic sources. G. Stackelberg did not just observe the Neapolitan Revolution; he noted obvious parallels with the Spanish Revolution and reported on any attempts of covert contacts of revolutionaries from all over Europe. His political ideal was the French Charter of 1814, the application of which to the Neapolitan political situation he wanted to see in order to avoid the worst consequences of the intervention of the Austrian Empire. The author concludes that the borrowing of the Spanish constitution by the Neapolitans took place within the prepared framework, becoming a logical stage in the development of constitutionalism in countries close to each other not only in spirit, but being for a long time in the

orbit of the French revolutionary and Napoleonic despotic influence. The article also shows that Stackelberg modernized the pattern of the era about the “pan-European conspiracy” and created its more moderate version based on his observations of the development of the constitutional revolution in Naples.

Keywords: the Bourbons, Spain, the Kingdom of the Two Sicilies, the Carbonari, history of diplomacy, constitutional monarchy, liberalism.

«Господа сектанты немногочисленны, но они в своих Фермопилах»¹. Так писал в Министерство иностранных дел посланник России в Королевстве обеих Сицилий граф Густав Оттонович Штакельберг (1766–1850), свидетель конституционной революции в Неаполе 1820 г. Именно в его депешах, хранящихся в фондах Архива внешней политики Российской империи и фрагментарно опубликованных в 11-м томе собрания «Внешняя политика России», был продемонстрирован подход, который позволяет объединить анализ конституционных процессов периода Реставрации в трех государствах: Франции, Испании и Неаполе. Он рассматривал это геополитическое пространство как нечто единое, где власть принадлежит трем ветвям одной династии Бурбонов. И когда эта власть оказалась в кризисе, перед лицом конституционных революций 1820–1821 гг. (в Неаполе) и 1820–1823 (в Испании), Штакельберг говорил о проблемах общего бурбонского дела. Подобный взгляд кажется типичным для дипломата — проводника международного легитимизма, но все же не лишен интереса, поскольку российский посланник использовал приемы политической компаративистики. Он анализировал действия неаполитанских и испанских либералов, обобщал опыт стремительной адаптации испанской Кадисской конституции 1812 (1820) г. к неаполитанской политической ситуации. Не только внутренняя политика конституционного правительства Неаполя была в поле его зрения, но и то неослабевающее международное давление («ветер Троппау»), которое решительным образом сказалось на судьбе революции.

В современной российской историографии отсутствуют работы, которые бы объединили достижения исследований в области итальянской (М. И. Ковальская²), испанской (М. А. Додолев³, Т. А. Алексеева⁴, М. С. Белоусов и Я. С. Абдуллаев⁵) и французской истории (В. А. Бутенко⁶) эпохи Реставрации. Современная европейская историческая мысль сосредоточена на развитии и критике концепции «либерального интернационала». Автор этой концепции — испанский историк Хосе Луис Комельяс Гарсия-Льера — недавно ушел из жизни⁷. Ряд ученых рассматривают революции в Южной Европе как единый процесс, частные случаи

¹ Штакельберг — Каподистрии. 28 ноября (10 декабря) 1820 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Оп. 468. Д. 8318. Л. 196 об.

² Ковальская М. И. Движение карбонариев в Италии. 1808–1821 гг. М., 1971.

³ Додолев М. А. Россия и Испания (1808–1823). Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984.

⁴ Кадисская конституция 1812 года: в 2 т. / сост. Т. А. Алексеева. М., 2013.

⁵ Белоусов М. С., Абдуллаев Я. С. Первые испанские революции и правящие круги Российской империи // Российская история. 2021. № 1. С. 46–57.

⁶ Бутенко В. А. Из истории революционного движения во Франции в эпоху Реставрации. Саратов, 1924.

⁷ Comellas Garcia-Llera J. L. El Trienio Constitucional. Madrid, 1963.

которого являются удобным материалом для исторической компаративистики⁸, а также изучают положение неаполитанского либерализма на политической карте Средиземноморья⁹. Итальянская эмиграция, отправившаяся после поражения революций в Неаполе и Пьемонте в Испанию, Францию, Англию и другие страны, стала важным фактором установления международной солидарности либералов и внесла свой вклад в создание образа единого революционного движения¹⁰. Концепция «либерального интернационала» активно критикуется. Сам Х. Л. Комельяс считал ее больше наполненной символизмом, чем реальным политическим содержанием¹¹. Игнорирует ее Д. Мак Смит, подчеркивая самое широкое разнообразие политических воззрений в среде тайных обществ¹². В. Брюер-Остельс ищет более подходящий термин для описания этого явления и предлагает труднопереводимое на русский язык «contre-monde libéral» («другой мир», «подполье»)¹³. В годы политических потрясений Реставрации, которые наблюдал Г. Штакельберг, *либеральный интернационал* именовался *всеевропейским заговором*, который, с одной стороны, рассматривается в науке как мифологема¹⁴, а с другой — как результат публичных и непубличных контактов либералов разных стран по всему Средиземноморью и по обе стороны Атлантики¹⁵.

Неаполь дал Испании короля, а Испания Неаполю — конституцию. Справедливости ради стоит отметить, что эти события разделены более чем 60 годами, ближе к концу которых Наполеон тасовал королей по своему усмотрению. Реформатор и меценат Карл VII Бурбон 25 лет правил Южной Италией и Сицилией, пока в 1759 г. не был возведен на испанский престол под именем Карлоса III. В марте 1820 г. его внук Фердинанд VII под давлением восставших мадридцев подписал восстановление Кадисской конституции, которую в июле того же года (также под давлением восставших) должен был промульгировать у себя в стране и его дядя, король Обеих Сицилий Фердинанд I. Помимо родственных связей, в которых состояли эти монархи, Испанское королевство и Королевство обеих Сицилий объединял несравненно более сильный фактор — длительное пребывание стран в зоне

⁸ Davis J. The Spanish Constitution of 1812 and the Mediterranean Revolutions (1820–1825) // Bulletin for Spanish and Portuguese Historical Studies. 2012. Vol. 37, issue 2. Art. 7; Simal J. L. Letters from Spain. The 1820 Revolution and the Liberal International / Mediterranean Diasporas. Politics and Ideas in the Long Nineteenth Century. London, 2016. P. 25–41.

⁹ Delpeu P.-M. Fraternités libérales et insurrections nationales: Naples et l’Espagne, 1820–1821 // Revue d’histoire du XIXe siècle. 2014. No. 49. P. 195–213.

¹⁰ Isabella M. Risorgimento in Exile. Italian Émigré and the Liberal International in the Post-Napoleonic Era. Oxford, 2009; Stites R. The Four Horsemen. Riding to Liberty in Post-Napoleonic Europe. Oxford, 2014.

¹¹ Цит. по: Miller M. S. A “Liberal International”? Perspectives on Comparative Approaches to the Revolutions in Spain, Italy, and Greece in the 1820s // Mediterranean Studies. 1990. Vol. 2. P. 62.

¹² Mack Smith D. Il Risorgimento italiano. Roma, 1999. P. 36.

¹³ Bruyère-Ostells W. Internationale libérale ou contre-monde libéral? Des degrés et des espaces d’opposition aux Restaurations // Rien appris, rien oublié? Les Restaurations dans l’Europe postnapoléonienne (1814–1830). Rennes, 2015. P. 371.

¹⁴ Андреева Т. В. Тайные общества в России первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 487.

¹⁵ В зарубежной литературе большое внимание уделено влиянию Кадисской конституции 1812 и Испанской революции 1820 г. на страны Нового Света: Eastman S., Sobrevilla Perea N. The Rise of Constitutional Government in the Iberian Atlantic World: The Impact of the Cádiz Constitution of 1812. Alabama, 2015.

французской оккупации, отчего они испытали сильное влияние идей Французской революции и практики наполеоновского господства.

Конституционализм в Испании возник как результат разочарования в политике «просвещенной монархии» и под влиянием Французской революции. В 1808 г. кортесы «офранцузенных», то есть сторонников Наполеона, приняли в Байонне конституцию, которая сделала Испанию конституционной монархией. В преамбуле основного закона декларировалось заключение «договора» между королем и его народами; король приносил присягу придерживаться католической религии и конституции, поддерживать целостность Испании и ее владений, уважать личную свободу испанцев и править «исключительно в интересах счастья и славы испанской нации» (ст. 6). Присягу приносили также и подданные. Конституция закрепила факт подчинения Испании династии Бонапартов и оформила принципы сильной монархической власти, при этом отменив административный и судебный хаос, царивший со времен Средневековья¹⁶.

Тогда же император французов заставил испанских Бурбонов отречься от престола, рассчитывая передать его своему брату. О своем решении он известил сначала маршала Й. Мюрата, затем своего старшего брата Жозефа Бонапарта, который уже два года правил в Неаполе. «Я предназначаю короля Неаполитанского править в Мадриде, — писал Наполеон Мюрату. — Вам я хочу дать королевство Неаполитанское или Португальское. Ответьте мне немедленно, что вы об этом думаете, ибо нужно решить все за один день. <...> Прибавлю, что королевство Неаполитанское гораздо лучше, чем Португалия, поскольку к нему будет присоединена Сицилия, и так вы получите шесть миллионов жителей»¹⁷. Наполеон поставил Жозефа перед фактом, дав на сборы один день и привлекая его новым местом царствования: «Испания — это не что королевство Неаполь; это 11 миллионов жителей, более 150 миллионов дохода, не считая огромных поступлений и владений во всех Америках. <...> В Мадриде Вы будете как во Франции; Неаполь — это на краю земли»¹⁸. Таким образом, Ж. Бонапарт повторил путь Карлоса III из Неаполя в Испанию. Расчеты Наполеона не оправдались: новый король столкнулся с сильным сопротивлением испанского народа, а Мюрат так и не получил Сицилию.

Отстраненный от власти Фердинанд VII Бурбон стал символом объединения антифранцузских сил. От его имени многочисленные демократические хунты провинций объявили войну Франции; возникшая затем Центральная хунта передала власть Регентству, которое подготовило созыв кортесов в Кадисе. Патриоты отвергли Байоннскую конституцию: их уже не устраивали декларации, им нужен был программный документ. В Кадисских кортесах либералы добились принятия концепции суверенитета, исходящего от свободного народа, что и было закреплено в новой конституции от 19 марта 1812 г.¹⁹ Как справедливо указывает Т. А. Алексеева, Кадисская конституция «впоследствии стала восприниматься символом борьбы за право народа самому определять свою историческую судьбу»²⁰. Чтобы

¹⁶ Алексеева Т. А. Байонский статут 1808 г. в Испании // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 4. С. 188, 194.

¹⁷ Correspondance de Napoléon Ier: in 32 t. T. 17. Paris, 1865. P. 55.

¹⁸ Ibid. P. 87.

¹⁹ Медников И. Ю., Юрчик Е. Э. Война за независимость 1808–1814 гг. // История Испании: в 2 т. Т. 2. М., 2014. С. 224.

²⁰ Кадисская конституция 1812 года. Т. 2. С. 12.

дистанцироваться от конституционного творчества «офранцузившихся», которые скомпрометировали себя, творцы Кадиса активно внедряли миф о средневековых корнях конституции²¹. Защищали этот тезис и испанские дипломаты, опровергая утверждения наполеоновской пропаганды о ее якобинском или иллиминатском происхождении²².

Россия стала первым государством, признавшим кортесы и их конституцию²³, что было затем подтверждено в русско-испанском договоре в Великих Луках. Этот жест русского царя был одним из первых шагов к созданию образа Александра I как защитника конституционализма, который подпитывал надежды испанских и итальянских либералов уже в начале 1820-х гг.

Конституция Испанской монархии переводилась и распространялась в виде рукописи и печатных экземпляров в Петербурге. Подносной перевод для Александра в ноябре 1812 г. сделал Петр Кайсаров. Текст, озаглавленный как «Constitución política» (на испанском) и «Constitution politique» (на французском), он перевел как «Гражданская конституция»²⁴. Отрывки из конституции публиковались в «Вестнике Европы»²⁵ за 1813 г. В редакционном предисловии так говорилось об испанцах: «Среди военных бедствий они положили твердое основание для своего отечества, сочинив Устав, ограждающий права законного государя и охраняющий безопасность каждого испанца»²⁶.

Для понимания того, какие принципы и нормы были одновременно введены в Королевстве обеих Сицилий победившими карбонариями в 1820 г., нельзя обойти вниманием главные положения Кадисской конституции. Понятие нации занимает центральное место в этом акте: она не может принадлежать одной семье или одному человеку, ей принадлежит верховная власть и право устанавливать коренные законы (ст. 1–3). Упоминание короля появляется только начиная с 15-й статьи, а предыдущая статья устанавливала наследственное и умеренно-монархическое правление. Власть кортесов регулировалась 26 статьями, охватывавших такие проблемы, как законодательная инициатива и законотворчество, корректировка законодательства, принятие присяги короля и его наследника, дела престолонаследия и разрешение на ввод иностранного войска. Особа короля «почитается священной и неприкосновенной» (ст. 168). В его власти — приводить законы в исполнение: всего 16 статей, наиболее важные из которых — объявление войны и мира, распоряжение военной силой и предводительство армией, регламентация исполнения законов, руководство внешней политикой, назначение и увольнение министров. Участие короля в открытии парламентской сессии стало не более чем церемони-

²¹ Там же. С. 16.

²² Додолев М. А. Россия и Испания (1808–1823). Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. С. 32.

²³ Алексеева Т. А. Испанская конституция 1812 г. и декабристы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 3. С. 90.

²⁴ Кадисская конституция 1812 года. Т. 1. Факсимильное издание. Работа над современным переводом текста конституции, Т. А. Алексеева предпочитает использовать термин «политическая» вместо «гражданская». Особый филологический интерес представляет написание П. Кайсаровым слова «Нация», а также употребление термина «граждане» (*cuidadanos, citoyens*) для монархической конституции.

²⁵ Государственный устав Испанской монархии // Вестник Европы. 1813. Ч. 70, № 13. С. 48–67; № 14. С. 130–132.

²⁶ Там же. № 13. С. 49.

альной необходимостью; никакие политические рассуждения в кортесах не могли идти в его в присутствии (ст. 124). Статья 172 ограничивала право короля на выезд из государства, а всего таких ограничений было предусмотрено 12. Клятва короля вовсе не была проникнута чувством преклонения перед монархией: начало ее напоминало клятву депутата, затем следовало перечисление важнейших ограничений королевских полномочий и в конце звучало требование «особого почитания гражданской свободы нации и личной свободы каждого человека». В случае нарушения своей клятвы король допускал право неподчинения себе (ст. 173).

Знание об этом выдающемся юридическом документе проникало и в Неаполь. Им интересовались неаполитанские офицеры, служившие в наполеоновских войсках и принимавшие участие в Испанской кампании. Опосредованно текст конституции распространялся по масонским ломам и сектам Южной Италии²⁷. Спустя немного времени, уже когда Мюрат отделился от Наполеона и примирился с антифранцузской коалицией, в 1814 г. высшие офицеры неаполитанской армии несколько раз обращались к королю Неаполитанскому с предложением даровать конституцию, но Мюрат отказывался²⁸. Отсутствие представительных органов власти не мешало ему успешно править на протяжении семи лет. Как указывает современный итальянский историк Дж. Прокаччи, Мюрат работал над созданием эффективной администрации, поощрял местное самоуправление и ограничивал вмешательство наполеоновской империи²⁹. Практически накануне своего поражения, 12 мая 1815 г., в Пескаре он под давлением министра внутренних дел графа Дзурло подписал акт конституционного значения³⁰. Этот документ можно условно назвать «конституцией Мюрата», так как по причине быстрой капитуляции французов и реставрации Бурбонов он утратил всякое значение. В ней Неаполь провозглашался наследственной конституционной монархией с национальным представительством в виде сената и совета нотаблей, которые обладают законодательной властью. Также были закреплены равенство неаполитанцев перед законом, гарантии свободы и права собственности, ответственность министров. Сугобо монархический характер этой конституции выдает относительная проработанность глав «О короле» (31 статья), «О наследовании трона», «О регентстве». Глава «О сенате» примечательна сроками, которыми планировалось сократить число сенаторов последовательно к 1820 и 1825 гг.³¹

«Конституция Мюрата» была, таким образом, мертворожденным документом, но была и другая модель конституционализма для Южной Италии — конституция королевства Сицилия, единственного владения во всей Европе, оставшегося под властью Бурбонов и находившегося под охраной Англии. В июле 1812 г. король Фердинанд поставил свою подпись под базовыми положениями нового государственного строя. Это было сделано в виде соглашения короля с предложениями сицилийского парламента об улучшении законов. Среди указанных положений были неизбежность католической религии и неприкосновенность королевской особы,

²⁷ Davis J. A. *Naples and Napoleon. Southern Italy and the European Revolutions (1780–1860)*. Oxford, 2006. P. 268.

²⁸ Ibid. P. 271.

²⁹ Прокаччи Дж. *История итальянцев*. М., 2012. С. 301.

³⁰ Ковальская М. И. *Движение карбонариев в Италии. 1808–1821 гг.* С. 31.

³¹ *Constitution du Royaume de Naples, traduite par un ex-conseiller-d'état sous le gouvernement du roi Murat*. Paris, 1820.

исполнительная власть в руках короля и ограниченная законодательная власть парламента, состоящего из палат коммун и пэров (баронов, земельной и духовной знати), ответственность министров и отмена феодальной собственности на землю³². Англоцентричный характер подобных нововведений не вызывает сомнений у исследователей. Стоит согласиться с мнением одного из них, А. Гримальди, что сицилийская конституция представляет собой «перенос либеральной конституционной модели и децентрализации против распространения демократическо-буржуазной наполеоновской модели»³³. Неаполитанские Бурбоны не распространили действие конституции на материковую часть королевства, освобожденную от французов, а в 1816 г. вовсе отменили автономию Сицилии.

В Испании Кадисская конституция действовала с 1812 по 1814 г. и с возвращением в страну Фердинанда VII также была отменена. В своих действиях он опирался на поддержку «сервильной» партии (или «раболопных»). Радикальные преобразования, особенно против церкви, монастырей и инквизиции, а также страх перед новыми социально-экономическими реформами лишили либералов массовой поддержки.

4 июня 1814 г. была провозглашена конституционная Хартия во Франции. «Когда насилие исторгает уступки у слабости правительства, общественная свобода подвергается не меньшей опасности, чем самый престол», — говорилось в ее преамбуле³⁴. Хартия гарантировала французам равенство перед законом, равный доступ к гражданской и военной службе, религиозную свободу при сохранении католицизма как государственной религии, сохранение имущества. Король сосредоточил в своих руках исполнительную власть (ст. 13), делил законодательную власть с палатой пэров и палатой депутатов (ст. 15), но оставил за собой право законодательной инициативы (ст. 16). Людовик XVIII не имел твердых собственных воззрений на политический строй страны: факт дарования конституции не привел к отказу от догмата божественного происхождения королевской власти и признанию суверенитета народа³⁵. Подобная государственная пассивность была свойственна его испанскому и неаполитанскому царственным родственникам.

В знаменательный для Южной Европы 1820 г. внутренние потрясения не обошли Францию стороной: в феврале был убит герцог Беррийский, племянник короля, а в августе произошли выступления под республиканскими лозунгами, организованные группой офицеров³⁶. Именно августовские события в Париже и воодушевленная реакция на них неаполитанских карбонариев укрепили наблюдательного Г. Штакельберга во мнении, что между «якобинцами всех мастей и из всех стран» существуют контакты, которые надо пресечь во имя «европейского дела»³⁷.

С момента провозглашения французской Хартии началось идеологическое противостояние двух подходов к конституционализму: между сторонниками кон-

³² Costituzione del regno di Sicilia stabilita dal parlamento dell'anno 1812. Napoli, 1848. P. 1–4.

³³ Grimaldi A. La Costituzione siciliana del 1812 // Revista de derecho. 2017. No. 48. P. 210.

³⁴ Paroles que le Roi [Louis XVIII] a adressées aux Français, le 4 juin 1814. L'Ordonnance royale et la Charte constitutionnelle du Royaume, avec la version latine. Paris, Alançon, 1818. P. 6–7.

³⁵ Алексеев А. С. Возникновение конституций в монархических государствах континентальной Европы XIX столетия. Ч. 1. М., 1914. С. 39–40.

³⁶ История Франции: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. А. З. Манфред. М., 1973. С. 183.

³⁷ Штакельберг — Каподистрии. 24 августа (5 сентября) 1820 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8316. Л. 236–236 об.; Штакельберг — Каподистрии. 10 (22) сентября 1820 г. // Там же. Л. 290.

ституций, завоеванных народом, и сторонниками октроированных, то есть дарованных сверху. Первые превозносили суверенитет народа — нации, а вторые — освященный традициями и религией суверенитет короны. В целях успокоения постреволюционной Европы Александр I предпочел второй подход, и его дипломаты активно участвовали в конституционном творчестве. Так, например, И. Каподистрия сочинил конституцию для Швейцарии, а посланник Д. П. Татищев — для Испании. Образцом для них явилась французская Хартия, хотя испанский и швейцарский политические режимы кардинально различались³⁸. Таким образом, для либералов главным политическим документом стала Кадисская конституция, для умеренных консерваторов — Хартия 1814 г. Испанские и французские Бурбоны с удовольствием оказались бы на месте австрийских Габсбургов, которые были не стеснены конституционным режимом и чей канцлер К. фон Меттерних беспокоился насчет конституционных проектов императора Александра (а также его увлечения мистицизмом) и влияния России на внутреннюю испанскую политику³⁹.

Пока правительства легитимных монархий пытались сделать непростой выбор между полной реставрацией старых порядков или поддержанием Бурбонов с помощью октроированных хартий, в Европе развернулась активная деятельность тайных обществ, ставших одним из важнейших феноменов на стыке эпохи Наполеоновских войн и Реставрации. Итальянский исследователь Дж. Берти в середине XX в. указывал на сложность и неразработанность этой темы. Главным для него был факт эволюции духа тайных обществ: от масонских лож, которые комфортно чувствовали себя в условиях старого порядка, к свободной деятельности различных клубов после Французской революции и в условиях французского присутствия. Затем эти клубы превратились в центры проведения наполеоновской политики, а после того как пришло осознание ее захватнического характера, они переформатировались в орудия антифранцузской борьбы⁴⁰. Если не касаться вопроса о происхождении секты карбонариев, то в данном случае важно отметить, что в эпоху Реставрации они представляли собой политически активную фазу развития масонства, от которого переняли ритуальную систему и стремление к полной секретности.

После победы над Наполеоном в Испании и Италии антифранцузские силы разочаровались в своих королях: Бурбоны «ничему не научились и ничего не забыли»⁴¹ не только во Франции, но и в Южной Европе. Пошатнулось социальное и финансовое положение испанского офицерства: сыграли свою роль финансовый дефицит и презрение со стороны двора к недавним героям антифранцузской борьбы. Кризис в армии дал благоприятную почву для появления специфического типа политического действия — испанского заговорщического либерализма⁴². В Обеих

³⁸ Сулова Н. А. Проект испанской конституции русского дипломата Д. П. Татищева // Новая и Новейшая история. 2000. № 5. С. 226.

³⁹ Metternich K. von. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich: in 8 t. T. III. Paris, 1881. P. 62.

⁴⁰ Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. С. 325–326.

⁴¹ Rien appris, rien oublié? Les Restaurations dans l'Europe postnapoléonienne (1814–1830). Rennes, PUR, 2015.

⁴² Castells Olivan I. Le libéralisme insurrectionnel espagnol (1814–1830) // Annales historiques de la Révolution française. 2004. No. 336. P. 221.

Сицилиях карбонаризм приобрел еще больший размах, распространяясь прежде всего в городской среде.

Целый ряд пронунсиаменто — вооруженных выступлений, возглавляемых ветеранами и имевшими цель провозгласить конституцию 1812 г., — происходил в Испании ежегодно, с 1814 с 1819 г. Они были плохо подготовлены, лишены массовой поддержки и довольно быстро терпели поражение. В Неаполе подобного не происходило: планы восстаний вынашивались центральным органом карбонариев в Салерно (южнее Неаполя) начиная с 1817 г. вплоть до июля 1820 г., когда в городке Нола их опередили военные⁴³. Все эти годы в различных городах двух государств шла подпольная агитация за введение конституционного правления.

Следует упомянуть, что идея царевубийства оставалась на периферии политических планов заговорщиков как в Испании, так и в Италии. «Клянусь вечно ненавидеть всех тиранов и их приспешников и использовать любую возможность, чтобы уничтожить их»⁴⁴, — говорилось в инструкции карбонарской венты второй степени и уже не упоминалось в аналогичном документе для венты первой степени. Из этого можно заключить, что тираноборчество служило для привлечения как можно большего количества членов в секты, чтобы затем безусловно подчинить их вышестоящим вентам.

Одно лишь слово «конституция», произнесенное в Италии, уже порождало панику среди австрийцев и некоторых русских консерваторов. И. Каподистрию, который посетил Апеннинский полуостров в 1819 г., обвиняли в поощрении тайных обществ и конституционализма. О репутации Каподистрии негативно высказывалась в своей частной переписке графиня М. Д. Нессельроде, супруга управляющего Министерством иностранных дел⁴⁵. Но, как указывает Н. П. Таньшина, сам граф Нессельроде был далек от предосудительного отношения к своему коллеге. Называя Каподистрию человеком большого, но «ложного ума», который успешно вписался бы в доктринерскую атмосферу французской столицы, К. В. Нессельроде был о нем хорошего мнения⁴⁶, в отличие от скептически настроенной и острой на язык супруги⁴⁷. Меттерних, с которым Нессельроде состоял в доверительной переписке, давно беспокоился о «русских агентах» в Италии и был вполне готов поверить, что дипломатия самодержавной империи заигрывает с тайными обществами⁴⁸. При этом сами деятели либерального и конституционного движения на Севере и Юге Италии действительно возлагали на императора Александра большие надежды и были готовы принять русскую помощь: «в этой обстановке... когда каждый итальянец-либерал молился на Александра, и действовали русские дипломаты в Италии в 1816–1820 гг.»⁴⁹.

⁴³ Ковальская М. И. Движение карбонариев в Италии. 1808–1821 гг. С. 38–41.

⁴⁴ Istruzioni sul secondo grado. Napoli, 1820. P. 10–11.

⁴⁵ Madame Nesselrode à son mari, 3 mai 1819 // Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode (1760–1850): in 11 t. T. VI. Paris, 1908. P. 70.

⁴⁶ Таньшина Н. П. К. В. Нессельроде: Искусство быть дипломатом. СПб., 2021. С. 152–153.

⁴⁷ Белоусов М. С. Иностранные наблюдатели российского политического кризиса: кейс междуцарствия 1825 года // Новая и Новейшая история. 2022. № 2. С. 58.

⁴⁸ Metternich K. von. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich. T. III. P. 87.

⁴⁹ Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. С. 329.

Успеху восстания 1 января 1820 г. в Кадисе способствовали несколько факторов, совпавших практически одновременно: трудности логистики и снабжения экспедиционного корпуса, собранного близ Кадиса, финансирование со стороны крупных торговых домов, участие в заговоре высокопоставленных военных⁵⁰. Восстание Риго, начавшееся неудачно, через два месяца было поддержано крупными гарнизонами, и тогда король пошел на уступки. 7 марта 1820 г. он восстановил действие конституции без изменений.

Революция в Испании приковала к себе общественное внимание. Как говорил на допросе в следственном комитете один из декабристов А. В. Поджио: «Испания, Неаполь, Пьемонт, Греция вслед одни за другими приняли образ свободного правления; с тех пор журналы с рук моих не сходили»⁵¹. Е. В. Тарле отмечал, что Европа несравненно больше знала о событиях в Испании, чем о революции в Неаполе, потому что «испанская революция получила сразу же могущественную союзницу в лице французской либеральной печати»⁵². В России же основные печатные органы «Вестник Европы», «Невский зритель», «Сын Отечества» и официальная газета «Санкт-Петербургские ведомости» транслировали в основном австрийскую точку зрения на эти события⁵³.

В апреле 1820 г. Штакельберг писал из Неаполя: «Король получил анонимные письма, в которых ему говорили о конституциях Сицилии и Испании, датированных темным временем 1812 года. Здесь парламент, там — кортесы. Сравнение равносильно, и эти несчастные испанские дела пагубным образом скажутся на Франции и не пройдут бесследно для Италии. Однако Сицилия, куда торговые суда из Барселоны очень быстро принесли новость о революции, пока еще довольно спокойна. Царящее там недовольство не угрожающее. Оно ограничивается знатью, сожалеющей о потерянных привилегиях...»⁵⁴ В мае на встрече с русским посланником министр финансов королевства, Медичи, заговорил о политических трудностях, которые испытывают старшие ветви Бурбонов — французские и испанские, и о проблеме «свободного арбитра» для решения проблем Неаполя. Штакельберг рекомендовал ему обратиться к «ареопагу четырех великих держав»⁵⁵.

Одним из первых документов Неаполитанской революции, начавшейся 2 июля 1820 г. с мятежа военных в городке Нола, стала «Декларация во имя Бога и под эгидой неаполитанской нации», которую можно найти в бумагах Штакельберга. Союз граждан поставил своей целью сделать монархию конституционной для того, чтобы «обеспечить благополучие нации и уберечь ее от унижений, на которые она была веками обречена» (ст. 1). Национальный парламент, который вскоре будет созван для выработки конституции, обеспечит всевозможные освобождения от налогов (ст. 2). Статья 5-я предписывала магистратам в течение суток принести присягу на верность королю и конституции — подобная скорость напоминает повеления На-

⁵⁰ Медников И. Ю., Юрчик Е. Э. Правление Фердинанда VII // История Испании. Т. 2. С. 236.

⁵¹ Дело А. В. Поджио // Восстание декабристов. Т. 11. М., 1954. С. 37.

⁵² Тарле Е. В. Военная революция на западе Европы и декабристы // Тарле Е. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 5. М., 1958. С. 12.

⁵³ См.: Анисимов О. В. Конституционная революция в Неаполе 1820–1821 годов в освещении российской прессы // Научный диалог. 2022. № 11 (5). С. 363–383.

⁵⁴ Штакельберг — Нессельроде. 25 марта (6 апреля) 1820 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8316. Л. 70 об.

⁵⁵ Штакельберг — Нессельроде. 26 апреля (8 мая) 1820 г. // Там же. Л. 106 об.

полеона его брату и маршалу. Другие статьи были направлены на обеспечение безопасности, сохранение лояльности населения и служащих; были введены запрет цензуры и одновременно наказание за «словесное или фактическое противодействие конституции» (ст. 8)⁵⁶.

6 июля восставшие вошли в Неаполь и у окон королевского дворца требовали введения конституции. Бурбоны применили тот же прием, что и при подписании Сицилийской конституции 1812 г.: тогда король назначил вместо себя наместника («alter ego») — своего сына принца Франческо. Формально именно наследник подписал конституционный акт после того, как король одобрил его базовые положения. Та же ситуация повторилась спустя восемь лет. По сообщениям французского посла Нарбонна, мятежники дали королю сутки на подписание конституции. В полдень 6 июля появилась декларация, что по состоянию здоровья Фердинанд I вынужден назначить регента королевства, принца Франческо, и передать ему свои полномочия. Но толпу это не успокоило: несмотря на обещание принца подписать испанскую конституцию, она требовала подписи короля и его клятвы. Ближе к вечеру появилась еще одна декларация из дворца, в которой король одобрял действия принца принять за основу испанскую конституцию и выражал готовность поклясться перед легитимно созванным парламентом⁵⁷. Монархия, даже совершенно беззащитная перед толпой, все-таки находила пространство для политического маневра. Декрет наместника королевства формально утвердил введение в действие испанской конституции с учетом будущих поправок. Командующий армией генерал Г. Пепе в своей декларации провозгласил, что благодаря энтузиазму к конституционным переменам неаполитанцы «поставили себя на один уровень с самыми культурными нациями Европы. <...> Нужно ли объявлять войну Франции, Испании, королевству Голландскому, Англии и Соединенным Штатам Америки? — обращался он, в частности, и к европейским легитимистам, — только потому, что они хотят жить при конституционном режиме»⁵⁸.

С первых же дней Неаполитанской революции противоборствующие стороны стремились символически присвоить себе авторитет императора Александра I. В манифесте восставших, сочиненном одним из предводителей Лоренцо де Кончили, говорилось: «Среди иностранных держав самый великий монарх в мире Александр публично заявляет, что считает правомерными восстания тех народов, которые стремятся к равенству перед законом»⁵⁹. В ответ правительственная пресса⁶⁰ распространила ответ Александра I на ноту испанского посла в Петербурге Ф. Сеа Бермудеса, в которой царь выражал сожаление о совершившейся революции и высказался в том смысле, что «установления, возникшие в результате бунта, приводят к хаосу»⁶¹. В беседе со Штакельбергом об этой газетной публикации маркиз Чирчелло выразил удовлетворение, что теперь восставшие не посмеют использовать

⁵⁶ Déclaration au nom de Dieu et sous les auspices de la nation Napolitaine // Там же. Л. 139.

⁵⁷ Narbonne-Pelet à Pasquier, le 10 juillet 1820 // Archives du Ministère des affaires étrangères — La Courneuve. Correspondance politique. Naples. Vol. 143. F. 64.

⁵⁸ Il commandante in Capo dell'Esercito costituzionale al popolo del Regno delle Due Sicilie // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8316. Л. 225 об.

⁵⁹ Alla Nazione napoletana proclama // Там же. Л. 242.

⁶⁰ Giornale del Regno delle Due Sicilie. 1820, no. 159 (4 luglio).

⁶¹ Нессельроде — Сеа Бермудесу, 20 апреля (2 мая) 1820 г. // Внешняя политика России. Т. 3 (11). М., 1979. С. 357.

имя русского царя в своих прокламациях, но все еще будут стремиться распространять слухи. Как сообщал Штакельберг, теперь от России хотели, чтобы «она не препятствовала подрыву того впечатления, что признание кортесов означает благоприятное воззрение на установление здесь конституционного правительства»⁶².

Штакельберг неоднократно сравнивал неаполитанских карбонариев и испанских либералов в своих наблюдениях. Так, после встречи с регентом принцем Франческо русский посланник писал: «В действительности испанские либералы — это подмастерья карбонариев... Столь безнадежно... здесь не только дело Бурбонов, но и состояние всего общества»⁶³. Так Штакельберг практически изобретает свою версию мифологемы о тайных обществах, основанную на его наблюдениях за политической и дипломатической жизнью Неаполя. В его версии мифологемы нет «Парижского комитета», но есть убежденность в том, что происходит интенсификация связей между французскими, испанскими и итальянскими заговорщиками. Кроме того, он считал ошибкой, а вовсе не слабостью желание регента и офицеров сотрудничать с карбонариями и либералами⁶⁴.

Штакельберг упрекал французского посла Нарбонна в недостаточном следовании принципам монархической солидарности; без него согласие в дипломатическом корпусе было неполным. Русский посланник даже ставил ему в пример герцога Ришельё, который явно «защищал бы общее для всех Бурбонов дело, отказавшись прятаться за немощь главы этой древней династии, столь же священной, как и, к несчастью, опустошенной»⁶⁵. Несмотря на то, что Нарбонн присоединился к коллективным нотам относительно соблюдения безопасности иностранцев в Неаполе и захвата карбонариями папских анклавов на территории королевства, Штакельберг критиковал линию своего коллеги. Недовольство русского дипломата, в частности, вызвало согласие французского посольства в Неаполе на праздничную иллюминацию по случаю бескровной революции⁶⁶.

В Испании же 9 июля торжественно открылась сессия кортесов конституционной монархии. К этому времени в страну вернулись многие эмигранты, было образовано так называемое «правительство узников». Прежнее деление на «либералов» и «раблепных» (эти определения Фердинанд VII запретил использовать под страхом самого сурового наказания) стало неактуальным, и ему на смену пришла оппозиция «умеренных» («модератос») и «восторженных» («экзальтадос»). И те и другие были либералами, но первые в основном состояли из «людей двенадцатого года»; они были сторонниками умеренных взглядов, для которых конституция была основой компромисса монархии и парламента. Вторые же представляли деятелей, испытавших на себе тяготы нелегальной борьбы постнаполеоновского времени; они считали, что восстановление конституции — это не финал, а лишь начало больших реформ⁶⁷.

В Неаполе ситуация отличалась: у короля Фердинанда не было явных сторонников. Традиционалисты никак не проявляли себя на политической арене. Бывшие

⁶² Штакельберг — Нессельроде. 25 июня (7 июля) 1820 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8316. Л. 179.

⁶³ Штакельберг — Нессельроде. 27 июня (9 июля) 1820 г. // Там же. Л. 191.

⁶⁴ Штакельберг — Каподистрии. 27 августа (8 сентября) 1820 г. // Там же. Д. 8317. Л. 244.

⁶⁵ Там же. Л. 204.

⁶⁶ Там же. Л. 204 об.

⁶⁷ Медников И. Ю., Юрчик Е. Э. Правление Фердинанда VII. С. 239.

члены правительства могли удалиться только в частную жизнь, а их место заняли «мюратисты». Так называли государственных деятелей и офицеров, служивших в годы французской оккупации. Штакельберг отмечал, что и генералы, когда-то водившие ныне бунтующих солдат вглубь России, не являются больше «хозяевами этой солдатни»; «как и всегда в революциях, идола прошлого не являются больше идолами настоящего»⁶⁸. Низовую политику в Неаполе и его провинциях определяли венты карбонариев и другие тайные общества. Внутренняя политика Неаполя стала определяться хрупким равновесием между конституционалистами, армией и сектами. Новым идолом стала Испанская конституция. Карбонарии развернули широкую пропаганду конституционных идей как блага для отечества, основав несколько печатных органов: «*L'amico della Costituzione*», «*Annali del patriottismo*», «*Giornale degli amici della patria*», «*Liceo costituzionale*», «*La voce del secolo*» и др.

Отношения конституционалистов и карбонариев являются интересной научной проблемой. Как показывает исследование М. И. Ковальской, правительство активно использовало венты для налогового контроля, обеспечения безопасности и борьбы с бандитизмом. В то же время оно стремилось не допустить их в парламент, ограничить радикальные настроения в среде тайных обществ. Внутри правительственных кабинетов обсуждался вопрос о принудительном закрытии карбонариевских вент, так как именно это служило предлогом державам Священного союза для вмешательства. Единственным «мюратистом», кто поддерживал отношения с карбонариями, был генерал Г. Пепе⁶⁹. От внимания Штакельберга не ушел факт братания генералов, среди которых был и Пепе, с карбонариями на одном из июльских банкетов⁷⁰.

В процессе деятельности либеральных правительств Испании и Италии выявились изъяны основного закона, которые приводили к росту политических противоречий. Они касались распределения полномочий между различными ветвями власти, трактовки гражданских свобод (особенно свободы слова и собраний), отношения к религии и церкви⁷¹. Эти противоречия не успели существенным образом проявиться в Неаполе, поскольку конституционный режим здесь существовал всего девять месяцев. Начавший работу 1 октября 1820 г. Национальный парламент не смог привнести решающего значения в конституционное движение. Среди значимых событий первых двух месяцев конституционного режима в Обеих Сицилиях можно отметить, пожалуй, только акт присяги короля и его участие в торжественном открытии сессии. Штакельберг с иронией относился к работе парламента. Сравнивая его с кортесами, он писал: «Ничего полезного пока из этого не вышло. <...> Еще не приступили к работе над гражданским листом в то время, как это был один из первых декретов кортесов»⁷². Работа над поправками к Испанской конституции была ускорена под влиянием конгресса Священного союза. «Кажется, что ветер Троппау донесся до парламента», — так сообщал в Петербург Штакельберг о поправках, которые устанавливали двухпалатную парламентскую систему,

⁶⁸ Штакельберг — Нессельроде. 27 июня (9 июля) 1820 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8316. Л. 191 об.

⁶⁹ Ковальская М. И. Движение карбонариев в Италии. 1808–1821 гг. С. 119–120.

⁷⁰ Штакельберг — Нессельроде. 13 (25) июля 1820 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8317. Л. 23.

⁷¹ Медников И. Ю., Юрчик Е. Э. Правление Фердинанда VII. С. 239.

⁷² Штакельберг — Каподистрии. 19 ноября (1 декабря) 1820 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8318. Л. 99 об.

право короля распустить палату, назначение им большинства чиновников, ограничение деятельности сект⁷³.

Современные историки называют Кадисскую конституцию «парадигмальной», так как она создала ряд атрибутов парламентской монархии современного типа: активное использование средств массовой информации, торжественные церемонии, публичность заседаний⁷⁴. Штакельберг прислал в Петербург афишу, которая извещала неаполитанцев о предстоящей клятве монарха Обеих Сицилий в верности конституции — расписание и порядок торжественных действий, имевших важнейшее символическое значение⁷⁵.

Конституционная революция 1820 г. привела к оживлению сепаратистского движения на Сицилии, где бароны требовали восстановления своей прежней конституции, «своего Кадиса». Два конституционализма, королевский и феодальный, сошлись в схватке, исход которой был решен в пользу центрального правительства только к концу 1820 г., когда войска неаполитанских конституционалистов смогли захватить Палермо и усмирить беспорядки. В Испании роль непокорной Сицилии играли заокеанские владения, чья принадлежность к колониальной империи с конституционным правительством была с каждым годом все условнее. Штакельберг оценивал централистскую политику Неаполя как должное; в его донесениях проблема сицилийского сепаратизма не анализировалась. Ему внушали опасения публичные выступления сторонников федерализма; они представлялись русскому посланнику силой куда более опасной, чем карбонарии.

Австрийское и английское правительства исходили из принципиального различия между испанской и итальянской революциями. В их представлении изолированная Испания не могла произвести кризис в Европе такого масштаба, какой мог бы вызвать восставший Неаполь. Меттерних всерьез опасался за систему австрийского господства в Италии, которое могло быть поколеблено, если бы революции, подобные Неаполитанской, распространились дальше на полуострове: в Папской области, Тоскане, Пьемонте и, наконец, присоединенных к австрийской короне Ломбардии и Венеции. Деятели Священного союза не рассматривали Испанию как источник зла и поэтому не спешили направить туда экспедиционный корпус, но иначе они смотрели на Неаполь. Примечательно, что государства победивших революций не стремились интенсифицировать свои двусторонние отношения и избегали демонстративных действий в пользу друг друга. Напротив, и испанские, и неаполитанские дипломаты убеждали Европу, что имела место не революция, а политическая реформа и что она не угрожает существующему равновесию в Европе.

Штакельберга беспокоили растущие республиканские настроения в среде революционеров, что напрямую было связано с безопасностью королевской семьи. Но пока республиканизм оставался маргинальным течением в общественной жизни Неаполя, попытки превратить парламент в Конституционную ассамблею проваливались. Но русский посланник был уверен, что, если ослабнет внимание Европы,

⁷³ Штакельберг — Каподистрии. 21 ноября (3 декабря) 1820 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8318. Л. 127.

⁷⁴ Späth J. Chapter 3. Parliamentary Government in Southern Europe? The Model of the Cadiz Cortes and the Ideal of the Moderate Monarchy // *The Ideal of Parliament in Europe since 1800*. Cham, 2019. P. 42.

⁷⁵ Programma per il giuramento alla costituzione della Monarchia dello regno delle Due Sicilie. Napoli, 12 luglio 1820 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8316. Л. 285.

подобные попытки будут продолжены и какая-то из них увенчается успехом⁷⁶. В то же самое время, в конце 1820 г., в Испании сложилась тайная организация «Конфедерация испанских коммунерос», которая наиболее близко подошла к республиканизму, но все же идею свержения монарха поддерживали только радикалы.

Отдельные заявления показывают, что и в российском Министерстве иностранных дел разделяли взгляд на то, что Испанская, Неаполитанская и Португальская (август 1820 г.) революции являются звеньями одной цепи, симптомами общего кризиса. «Обновленная во Франции, перенесенная на два полуострова... испанская революция установилась в Неаполе», — так представлялось это в Петербурге⁷⁷. Именно поэтому ситуация нуждалась в широком методе урегулирования, а именно — в «святой обязанности совместно выполнять договоры». Александр I предложил Европе единым фронтом встретить неаполитанских «сектантов и сторонников нововведений», иллюзорно рассчитывая на приоритет мирных средств урегулирования кризиса. Но Великобритания отвергла приглашение участвовать в совещании государей, а Франция обеспокоенно смотрела на возросшую австрийскую военную активность. На конгресс Священного союза в Троппау Меттерних вынес предложение об австрийской интервенции в Южную Италию, а другим державам предлагалось санкционировать это вторжение.

Предчувствуя эти внешнеполитические осложнения, Штакельберг в начале сентября 1820 г. доносил в Петербург о желательности принудить неаполитанцев заменить Кадисскую конституцию на Хартию 1814 г., а для убедительности своей позиции державы должны оккупировать порты Гаэту и Пескару⁷⁸. Демонстративная умеренность конституционного режима должна была предотвратить австрийскую интервенцию. Этим шагом Штакельберг едва не поставил себя в один ряд с Каподистрией и Татищевым, которые, как говорилось выше, составляли конституционные проекты для других государств. В противостоянии идеологии «конституции нации» и «конституции короля» он был на стороне второго подхода. Анализируя риски будущей интервенции, он указывал, что уход оккупационной армии даст повод новым волнениям, поскольку на верность неаполитанских войск никак нельзя полагаться⁷⁹.

К концу 1820 г. в консервативных кругах Европы созрело убеждение, что короли являются пленниками либералов. Так, австрийский император Франц в Троппау ознакомил Александра I со своей секретной перепиской, которую он вел с королем Фердинандом Неаполитанским. Это радикально изменило мнение русского царя. «Сведения газет о мнимом согласии короля на все перемены в королевстве были ложны, — писал царь А. Н. Голицыну в феврале 1821 г., — а что король находится под угрозой кинжала, во власти карбонаров»⁸⁰. В 1822 г. Фердинанд Испанский

⁷⁶ Штакельберг — Каподистрии. 18 (30) октября 1820 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8317. Л. 439.

⁷⁷ Ответ российского правительства Австрии и Пруссии на конференции 11 (23) и 17 (29) окт. 1820 г. // Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук. Ф. 828. Оп. 1. Д. 186-6. Л. 333.

⁷⁸ Штакельберг — Каподистрии. 27 августа (8 сентября) 1820 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8317. Л. 244 об.

⁷⁹ Штакельберг — Каподистрии. 25 августа (6 сентября) 1820 г. // Там же. Л. 241.

⁸⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 242.

тайно попросил помощи у Людовика XVIII, что стало легитимной основой для еще одной интервенции под эгидой Священного союза. И в том, и в другом случае Александр предлагал державам-интервентам использовать русские войска.

Неаполитанцы попытались привлечь французского короля в качестве посредника между конституционным правительством и великими державами. В конце осени 1820 г. Штакельберг сообщал в Петербург о переговорах, которые велись доверенным лицом неаполитанского правительства с герцогом Ришельё. Попытка «заранее связать короля [Людовика] с так называемым национальным делом»⁸¹ провалилась; король ответил отказом. Вскоре была предпринята вторая попытка добиться посредничества Франции: министр иностранных дел Неаполя герцог Кампокьяро предложил французскому послу де Фонтене открыть переговоры. Король Фердинанд негласно просил сообщить в русскую миссию, что эти дипломатические действия шли против его воли, но он считает свои протесты бесполезными⁸².

Россия отказалась устанавливать контакты с конституционалистами в рамках нормальной дипломатической практики. Осенью 1820 г. Александр отказался принять посланника конституционалистов князя Чимитиле, а весной 1821 г. — и посланника Испании Салмона. Как объяснял Каподистрия герцогу де Ришельё из Лайбаха, Россия может допустить только такого посланника, который представляет исключительно персону короля⁸³.

Королей все же нельзя было назвать послушными исполнителями воли конституционалистов. В декабре 1820 г. Фердинанд Неаполитанский сумел вбить клин между конституционным правительством и национальным парламентом, когда он в соответствии с Кадисской конституцией испросил согласие народных представителей отправиться в Лайбах на конгресс Священного союза. Король попытался уклониться от клятвы защищать испанскую конституцию на предстоящем конгрессе; он предложил альтернативу — заменить ее декларацией из 10 принципов⁸⁴. Двухдневные дебаты, в конце концов, привели к взаимным уступкам: королю разрешили выезд, он поклялся следовать духу испанской конституции, а два ключевых министра были отправлены в отставку. Уже в Лайбахе в начале 1821 г. неаполитанский король смог свободно обсудить вопросы австрийской интервенции для восстановления полноты своей власти. Верный самому себе, король и на этот раз ушел от прямой ответственности за свое согласие на интервенцию. В его письме сыну-регенту говорилось, что державы не признают конституционный режим в Неаполе, готовы на вмешательство и что остался последний шанс убедить правительство конституционалистов уступить силе убеждений⁸⁵. Работу Лайбахского конгресса и последующий ввод австрийских войск Г. Штакельберг наблюдал уже как частное лицо, так как в конце 1820 г. было удовлетворено его прошение о многомесячном отпуске.

⁸¹ Штакельберг — Каподистрии. 14/26 ноября 1820 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8318. Л. 87.

⁸² Там же. Л. 117–117 об.

⁸³ *Lettre particulière du comte Capo d'Istria au duc de Richelieu. Laybach, mars 1821* // Сборник Русского исторического общества. Т. 54. СПб., 1886. С. 616.

⁸⁴ *Diario del parlamento nazionale delle due Sicilie negli anni 1820 e 1821 / per cura di C. Colletta. Napoli, 1864. P. 264–265.*

⁸⁵ *Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы российского Министерства иностранных дел. Серия 2. Т. 3 (11) / отв. ред. А. Л. Нарочницкий и др. М., 1979. С. 806.*

Вслед за своим неаполитанским родственником Фердинанду VII также удалось испортить отношения между «модерадос» и «экзальтадос». Выступая перед испанскими кортесами в марте 1821 г., он поднял вопрос о перераспределении полномочий по формированию правительства между короной и парламентом, чем вызвал политический кризис и смену правительства.

Конституционные режимы в Испании и Италии столкнулись с рядом внутриполитических и внешнеполитических проблем. Во внутренней политике самой большой проблемой оставалась фигура короля, с которой новым правительствам и парламентам приходилось считаться. Само наличие Бурбонов у власти, пусть и ограниченной, с одной стороны, оказывало конституционалистам неоценимую услугу по легитимации совершённых революций, а с другой — сохраняло риски контрреволюции при самом активном вмешательстве Священного союза. Отречения Фердинанда VII Испанского и Фердинанда I Неаполитанского отчасти могли бы облегчить эту проблему, но если в Неаполе был наследный принц, поддерживавший преобразования, то в Испании такой подходящей фигуры не было.

Подводя итог, стоит отметить поразительное сходство исторической судьбы Испании и Неаполя к началу 1820-х гг.: «Два средиземноморских католических и латинских королевства, возглавляемые Бурбонами — абсолютными монархами, после долгого изгнания восстановились в результате поражения Наполеона. Их политика реставрации отличалась суровостью, породила или оживила тайные общества и недовольство среди солдат и офицеров...»⁸⁶ Вслед за Р. Стайтсом можно добавить, что революции в Испании и Неаполе оказались связаны общим символом эпохи — Кадисской конституцией 1812 (1820) г. Ее экспорт на итальянскую почву был подготовлен развитием общественной мысли и конституционного движения первой четверти XIX в. Это было время идеологического противостояния и основополагающего выбора между приоритетом нации или короны, между суверенитетом народа или божественной природы королевской власти, между конституцией снизу или конституцией сверху. О политической немощи династии Бурбонов писал из Неаполя в Петербург Г. Штакельберг. Кризис развивался именно в их государствах и требовал срочного вмешательства: политического или военного, и Штакельберг предпочел бы первое. Согласие держав на введение в Неаполе конституции по образцу французской Хартии могло бы иметь шанс на реализацию только при отказе неаполитанского правительства от Кадисской конституции и при упразднении сект. Существование «парижского комитета» заговорщиков, ставшего главной мифологемой и культурной доминантой эпохи⁸⁷, Штакельберг не стремился подтвердить, но с полной уверенностью сообщал в Министерство иностранных дел России умеренную версию этой мифологемы — о регулярных и, скорее всего, равноправных контактах между либералами и заговорщиками из Франции, Испании и Италии. Таким образом, донесения Штакельберга говорят в пользу, пусть и иллюзорного, «либерального интернационала». На конгрессах Священного союза в Троппау и Лайбахе было принято решение покончить с сектантами силой, отбросив вопрос о конституционном устройстве Италии.

⁸⁶ Stites R. The Four Horsemen. P. 174–175.

⁸⁷ Белоусов М. С., Абдуллаев Я. С. Греческая революция и мифологема заговора тайных обществ // Российская история. 2022. № 5. С. 80.

References

- Alekseev A. S. *Vozniknovenie konstitutsii v monarkhicheskikh gosudarstvakh kontinental'noi Evropy XIX stoletii*. Ch. 1. Moscow, Tip. Lissnera i Savko Publ., 1914, 31 p. (In Russian)
- Alekseeva T. A. Baionskii statut 1808 g. v Ispanii. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2000, no. 4, pp. 185–196. (In Russian)
- Alekseeva T. A. Ispanskaia konstitutsiia 1812 g. i dekabristy. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2009, no. 3, pp. 88–101. (In Russian)
- Andreeva T. V. *Tainye obshchestva v Rossii pervoi treti XIX v.: pravitel'svennaia politika i obshchestvennoe mnenie*. St Petersburg, Liki Rossii Publ., 2009, 911 p. (In Russian)
- Anisimov O. V. Konstitutsionnaia revoliutsiia v Neapole 1820–1821 godov v osveshchenii rossiiskoi pressy. *Nauchnyi dialog*, 2022, no. 1 (5), pp. 363–383. (In Russian)
- Belousov M. S. Inostrannye nabliudateli rossiiskogo politicheskogo krizisa: keis mezhdutsarstviia 1825 goda. *Novaia i Noveishaia istoriia*, 2022, no. 2, pp. 48–68. (In Russian)
- Belousov M. S., Abdullaev Ia. S. Grecheskaia revoliutsiia i mifologema zagovora tainykh obshchestv. *Rossiiskaia istoriia*, 2022, no. 5, pp. 78–90. (In Russian)
- Belousov M. S., Abdullaev Ia. S. Pervye ispanskie revoliutsii i praviashchie krugi Rossiiskoi imperii. *Rossiiskaia istoriia*, 2021, no. 1, pp. 46–57. (In Russian)
- Berti Dzh. *Rossii i ital'ianskie gosudarstva v period Risordzhimento*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1959, 746 p. (In Russian)
- Bruyère-Ostells W. Internationale libérale ou contre-monde libéral? Des degrés et des espaces d'opposition aux Restaurations. *Rien appris, rien oublié? Les Restaurations dans l'Europe postnapoléonienne (1814–1830)*. Rennes, PUR, 2015, pp. 367–380.
- Butenko V. A. *Iz istorii revoliutsionnogo dvizheniia vo Frantsii v epokhu Restavratsii*. Saratov, [s.n.], 1924, 17 p. (In Russian)
- Castells Olivan I. Le libéralisme insurrectionnel espagnol (1814–1830). *Annales historiques de la Révolution française*, 2004, no. 336, pp. 221–233.
- Comellas Garcia-Llera J. L. *El Trienio Constitucional*. Madrid, Ediciones Rialp, 1963, 443 p.
- Davis J. A. *Naples and Napoleon. Southern Italy and the European Revolutions (1780–1860)*. Oxford, Oxford University Press, 2006, 372 p.
- Davis J. A. The Spanish Constitution of 1812 and the Mediterranean Revolutions (1820–1825). *Bulletin for Spanish and Portuguese Historical Studies*, 2012, vol. 37, issue 2, art. 7, 12 p.
- Delpu P.-M. Fraternités libérales et insurrections nationales: Naples et l'Espagne, 1820–1821. *Revue d'histoire du XIXe siècle*, 2014, no. 49, pp. 195–213.
- Dodolev M. A. *Rossii i Ispaniia (1808–1823). Voia i revoliutsiia v Ispanii v russko-ispanskie otnosheniia*. Moscow, Nauka Publ., 1984, 268 p. (In Russian)
- Eastman S., Sobrevilla Perea N. *The Rise of Constitutional Government in the Iberian Atlantic World: The Impact of the Cádiz Constitution of 1812*. Alabama, University of Alabama Press, 2015, 304 p.
- Grimaldi A. La Costituzione siciliana del 1812. *Revista de derecho*, 2017, no. 48, pp. 208–233.
- Isabella M. *Risorgimento in Exile. Italian Émigré and the Liberal International in the Post-Napoleonic Era*. Oxford, Oxford University Press, 2009, 284 p.
- Istoriia Frantsii*, vol. 2. Ed. by A. Z. Manfred. Moscow, Nauka Publ., 1973, 663 p. (In Russian)
- Koval'skaia M. I. *Dvizhenie karbonariiev v Italii. 1808–1821 gg.* Moscow, Nauka Publ., 1971, 267 p. (In Russian)
- Mack Smith D. *Il Risorgimento italiano*. Roma, Editori Laterza, 1999, 560 p.
- Mednikov I. Ju., Jurchik E. Je. Pravlénie Ferdinanda VII. *Istoriia Ispanii*, vol. 2. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 230–252. (In Russian)
- Mednikov I. Ju., Jurchik E. Je. Voia za nezavisimost' 1808–1814 gg. *Istoriia Ispanii*, vol. 2. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 211–230. (In Russian)
- Miller M. S. A “Liberal International”? Perspectives on Comparative Approaches to the Revolutions in Spain, Italy, and Greece in the 1820s. *Mediterranean Studies*, 1990, vol. 2, pp. 61–67.
- Nikolai Mikhailovich, vel. kn. *Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovaniia*, vol. 1. St Petersburg, Entsiklopediia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag, 1912, 580 p. (In Russian)

- Procacci G. *Istoriia ital'iancev*. Moscow, Ves' mir Publ., 2012, 590 p. (In Russian)
- Simal J. L. Letters from Spain. The 1820 Revolution and the Liberal International. *Mediterranean Diasporas. Politics and Ideas in the Long Nineteenth Century*. London, Bloomsbury, 2016, pp. 25–41.
- Späth J. Parliamentary Government in Southern Europe? The Model of the Cadiz Cortes and the Ideal of the Moderate Monarchy. *The Ideal of Parliament in Europe since 1800*. Cham, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 41–59.
- Stites R. *The Four Horsemen. Riding to Liberty in Post-Napoleonic Europe*. Oxford, Oxford University Press, 2014, 439 p.
- Suslova N. A. Proekt ispanskoi konstitutsii russkogo diplomata D. P. Tatishcheva. *Novaia i Noveishaia istoriia*, 2000, no. 5, pp. 224–229. (In Russian)
- Tan'shina N. P. *K. V. Nessel'rode: Iskusstvo byt' diplomatom*. St Petersburg, Evraziia Publ., 2021, 352 p. (In Russian)
- Tarle E. V. Voennaia revoliutsiia na zapade Evropy i dekabristy. *Tarle E. V. Sobranie sochinenii*, vol. 5. Moscow, Akademiia nauk SSSR Press, 1958, pp. 7–20. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 30 июля 2022 г.

Рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Received: July 30, 2022

Accepted: October 31, 2022